

Свой главный роман Богомолов писал долго, написал много – больше 400 страниц книжного издания (даже если не считать часть «В кригере», сформованную в отдельную повесть), но это в лучшем случае пятая часть задуманного – судя по пунктирности повествования, многочисленным повторам и загроможденности текста. Впрочем, явно подлежащая вычистке загроможденность (описаниями и, конечно, документами, собранными и додуманными с привычным мастерством) не мешает очень легкому слогу и внятности изложения – я давно так быстро не читал. А повторы, вернее, рефрены, главный из которых – «за что?», являются вполне осознанным и почти структурообразующим приемом.

Текст производит довольно странное впечатление. Льва видно по когтям, но автору уже неинтересны когти, которыми на гранит вечности были нанесены «Иван» и «Момент истины». «Жизнь моя...» наследует больше «Зосе» (хоть нарочито грубей и желчней). С этим связана лично моя проблема восприятия текста.

Богомолов – мастер психологии действия, причем и действие, и психология уникальны, а рассказчик конгениален герою, потому что явно умеет и качать маятник вразножку, и уверенно высчитывать в своем собеседнике одного из трех тысяч нелично знакомых диверсантов (не только по выпуклости противокозелка, но и по манере вести

дискуссию) – и, соответственно, определять, что выгоднее не только тактически, но и стратегически (для общей победы) – валить собеседника на месте или дробить ему коленные суставы.

Что умеют герой и автор «Жизни моей...», не совсем понятно, потому что им обоим интересна только психология рефлексии, а действие побоку. В течение почти всего текста автор предпочитает показывать героя – настоящего героя, старлея Федотова, пацаном ушедшего на войну и «тянувшего Отечку» три года, издырявленного, невинного, многоопытного, наивного фронтового разведчика и доверчивого щенка – в момент подготовки к чему-то главному (сражению, операции, учениям, зимовке) или в пострешиме, когда все уже кончилось. Действие в лучшем случае упоминается (вроде «я тоже получил пулю в предплечье и провалялся в госпитале два месяца»). Чрезмерно подробно прописаны только бытовая и лирическая линии – именно что с повторами и многопудовыми отвлечениями. В результате читатель верит, конечно, но не видит, почему герой не сопляк-ванька-взводный, а опытный и умелый ротный командир, которого никак нельзя унижать и ставить на четыре кости.

Между тем вся книга посвящена тому, как умелых ротных командиров и комполка, лейтенантов и генералов, пацанов и стариков ставят на четыре кости и унижают – не всегда умело, но всегда

Потому что совсем  
убойное, неожиданное  
и издевательски  
точное у этой истории  
завершение...

грубо и расчетливо. Унижают другие лейтенанты и генералы, штабисты, особисты, кадровики, очаровательные девушки и измученные лахудры – все. «Только так бесполезно, так зло и ненужно опустили их» – просто потому, что так работает система.

Досадно, что как раз об этом и без Богомолова написано множество книг.

И о страданиях юного лейтенанта по теплему женскому тоже написано множество книг – в том числе и Богомоловым, причем сильно тоньше, лаконичней и вернее (см. ту же «Зосю» и главки «Момент истины» о замкоменданта Аникушине).

Только ближе к финалу опубликованных фрагментов я остро пожалел, что «Жизнь моя...» осталась недописанной. Потому что чукотская, самая бессмысленная и беспощадная, часть жизни старлея Федотова все-таки впечатления дежавю не производит – не помню я литературно обоснованных аналогов. Потому что очень сильно изложена история подготовки и проведения учений, в рамках которых изможденные холодом, болезнями и подножным сбором угля солдатики должны продемонстрировать лихое отражение американского наступления с Аляски. Потому что совсем убойное, неожиданное и издевательски точное у этой истории завершение – а сцена с лайками меня просто накрыла.

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне...» могла стать великим романом о судьбе, смысле жизни и справедливости. Этого романа не будет никогда. Мне очень жаль.

